

Людмила Шарга

Отпускаю строку...

*

Две тысячи лет не стерли, не отдалили
ни скорби Марии, ни плачущей Магдалины.
Две тысячи лет – пустяк, тяжела расплата,
мы веруем, лишь... руку вложив в стигматы,
нам хочется теплых дней, золотых закатов,
чтоб не вспоминать *каиф*, *цуд* и *пилатов*,
и нежиться неглиже по утрам в шезлонге,
не ведая о копье, что заносит Лонгин.
Кровавый закат в окне и рассвет кровавый,
скандируют сотни глоток: хотим Варавву!
Могли б и не спрашивать, но – как тогда – спросили,
и снова осины вздрогнули где-то.

Осины.

Но кто-то заплатит. Кто-то сполна заплатит
за адские дни и ночи, за кровь на платьях,
две тысячи лет не стерли и не отдалили
ни скорби Марии,
ни каянья Магдалины.

Лишь руки чисты – как водится – у пилатов,
темнеет вода от крови – не от закатов,
две тысячи лет не стряхнуть и не отринуть,
летающие головы, платья, пелерины...
Что ж, люди – как люди – забывчивы, злы, красивы,
вот только осины дрожат на ветру...

Осины.

*

Всего-то и жизни, что миг от зимы до зимы,
лишь промельк весны, ну а лета... как не было вовсе;
еще оставалась надежда на теплую осень,
покуда октябрьский дождь все надежды не смыл.
Всего-то и красок – от золота до серебра,
от зябких осенних костров до декабрьских метелей,
до теплого запаха хвои рождественской ели...
Как будто вчера это было, как будто вчера.
И город у моря, и солнце, и маленький двор,
и старая лестница – все, что зовется судьбою;
вплетается в память, как в шелест ночного прибоя,
далекий (нездешний?) гитарной струны перебор.
Всего-то и жизни.
А больше едва ли снести –
дорога от моря до моря и к дому дорога,
и сил не хватает. Но ты неизменно в пути.
О, господи.
Как это много.
Осеннее золото станет золой поутру,
смешается с пеплом вчерашних стихов и романов,
с назойливой рифмой – умру.
Нет, всего лишь замру
и выдохну:
Господи... как это мало.

*

Отпускаю строку, подгулявшую в полночь, на волю,
за размеры и рамки любимых классических ямбов,
ошалевшей синкопой из заданных кем-то размеров,
пусть танцует фокстрот, пасодобль
или знойную румбу.
Ну а я поневоле – за ней – на ночную милонгу,
в танго с Черной Луной –
королевой осенних иллюзий,

отпускаю себя за пределы, за край, за подрамник
горизонта,
не зная, que faire
с недосказанным стихотворением.
Мне вослед долетает: ямбически! О, эти ямбы.
Не болей, дорогая, ни белым стихом, ни верлибром,
не спеши за гулящей строкою, сорвавшейся с ритма.
Не срывайся в in vivo.
Живи безмятежно in vitro.
Наблюдателем. Тенью
на крышах танцующей кошки.
Я вернулась под утро.
В распахнутой настезь тетради,
остывая, надеждой дышали вечерние ямбы.
Выношу их останки в post dictum не ямбом –
хореем,
пусть живут безмятежно.
А я выбираю in vivo.

/...Зная, что любой полет летален,
облака над городом летали,
хоть давно устали от баталий,
все латали небо и латали;
клочьями воздушной взвеси-пыли
плыли чьи-то души кочевые,
перистые плыли, кучевые...
Не могли смириться с тем, что были,
а не есть.
И не спешили в небыль,
ледяную вечность не приемля.
Плакало простреленное небо,
обнимая выжженную землю.../

*

Ни строки.
Ни строфы.
Ни абзаца...
Стало больно к словам прикасаться –
жизнь натянута, как тетива,
кровоточат живые слова.
Ну а мертвые – зарубцевались,
хоть и в руки никак не давались,
не ложились в размерность и ритм.
Улеглись.
Упокоились.
Стихли.
Их ли жар обдавал меня, их ли
открывал мне священный санскрит.
Слово – след.
И бумага ветшала,
и пространство словами дышало –
порожденьем живой тишины.
Слово – зеркало.
В вечном скольжении
оживали стихи-отражения,
те, которые мне суждены.
Слово – камень.
И время кругами
расходилось, и жизнь-оригами
раскрывала цветок бытия
безымянный.
Зачем тебе имя?
Видишь свет за стихами моими?
Это я.
Это все еще я.

*

В который раз вхожу все в ту же воду,
на тот же круг из точек болевых,
печальны лики ангелов исхода,
о, как они похожи на моих.
Пусть левое плечо отяжелело
от разочарований и утрат,
и ангел за плечом моим за левым
и темен, и воинственно-крылат,
но ангел за плечом моим за правым
не спит и видит все мои дела,
а сквозь меня растут стихи и травы,
хотя, казалось, выжжена дотла.
И оживают древние офорты,
и ветер веет, и дожди летят,
и на ветру слова, что были стерты,
травую безымянной шелестят.
Как я живу, сверяя век по солнцу,
ты знаешь, ангел левого плеча –
тот, кто любим и любит – тот спасется,
пусть даже смерть настигнет невзначай,
пусть выпущена – давний рок мой кровный –
поющая каленая стрела;
а все мои дела весьма условны,
стихи и проза – все мои дела.
Не упустить бы главное из виду,
что красной нитью тянется в стихах,
и выдохнуть.
Всего-то сделать выдох...
И заново учиться выдыхать.

